

Л. М. ЛОПАТИН

Памяти Вл. С. Соловьева

Десять лет прошло с тех пор, как умер Вл. Соловьев, а если иметь в виду, как много испытаний, увлечений и страшных разочарований пережито русским обществом за эти десять лет, период, отделяющий нас от последних дней жизни Соловьева, невольно должен показаться еще гораздо более длинным. Во многих отношениях мы неузнаваемо изменились с тех пор, и в меру этой перемены отодвинулось от нас то, что занимало и волновало нас в годы вдохновенной деятельности Соловьева. Он и сам как будто ушел от нас далеко, но тем рельефнее обрисовываются для нас общие и основные черты его духовного облика.

Этот облик приобретает тем большую яркость, чем менее он похож на все, что мы видим перед собою теперь. Вл. С. Соловьев представлял чрезвычайно сложную — или, как теперь любят выражаться, многогранную — и в то же время очень цельную натуру. В нем сочетались, казалось бы, несовместимые противоположности, и все же образ его поражал единством основного тона и наглядно воплощал в себе одно общее коренное настроение. Глубокая религиозность с раннего детства и через всю жизнь, за исключением краткого перерыва в годы юности, — и полное свободомыслие. Напряженная сосредоточенность мощного и замечательно оригинального философского ума на самых трудных и возвышенных проблемах жизни и знания — и чрезвычайная общительность, делавшая его незаменимым собеседником, отзывчивым товарищем, задушевным и любящим другом. Редкая самобытность мысли, с ранних лет заставлявшая его на все смотреть по-своему, — и удивительно развитая способность усвоить и проникаться чужими взглядами, лежавшая в основании его громадной начитанности в самых разнообразных областях, которая давалась ему как будто сама собою, без всяких особых усилий с его стороны. По существу аскетический и

печальный взгляд на условия чувственного земного существования, соединенный с очень серьезной, искренней и строгой постановкой идеала душевной чистоты, — и ясная жизнерадостность, страстная пылкость темперамента, способность к беззаветным сердечным увлечениям, которые нередко проносились опустошающими бурями в его потрясенном духе. Мистическое прозрение в глубочайший смысл жизни, скорбное сознание ее внутреннего трагизма — и неиссякаемый юмор, светлая веселость, детски заразительный хохот, которого не забудет никто из знавших Соловьева лично. Изумительная терпимость к чужим мнениям, позволявшая ему близко сходить с людьми совсем другого умственного и духовного склада, чем он сам, — и горячий задор в спорах даже о незначительных предметах. Беспечность, доходящая до безалаберности, в устройстве своих личных дел — и трогательная заботливость о чужих делах, не только готовность, но и тонкое практическое умение помочь в чужой нужде. И много можно было бы привести еще таких же пар противоположностей, и все они так гармонически уживались в своеобразном единстве личности Соловьева, что его никак нельзя вообразить без них. И на всем этом лежала такая прочная и неистребимая печать внутреннего благородства, высшего аристократизма души, что он органически был неспособен подчинять свою волю каким-нибудь пошлым и низким побуждениям. Высокий строй духа был прирожден ему, и оттого в нем не поколебали его никакие житейские испытания и никакие перемены судьбы, и он донес его до могилы.

Таков был Соловьев как человек. В каких общих чертах рисуется нам в настоящее время его деятельность? И в этом отношении нас поражает его богатая многосторонность. Прежде всего это был очень крупный писатель: не только из русских философов никто не писал лучше его, он в этом отношении смело может выдержать сравнение с лучшими философскими писателями всех времен. С полным основанием можно сказать, что он создал образцовый русский философский язык, поражающий своею ясностью, меткостью, изяществом и простотою. Правда, он не сразу достиг такой высокой виртуозности философского изложения: в его первых вещах, быть может под влиянием его увлечения сочинениями корифеев немецкого идеализма, его язык иногда является чрезмерно отвлеченным, отдельные формулы кажутся загадочными и вычурными, некоторые диалектические переходы мысли представляются слишком сложными и даже искусственными. Но чем дальше развивалась его литературная деятельность, тем более он овладевал своим удивитель-

ным искусством слова. В произведениях последних лет жизни как стилист он никак не ниже Шопенгауэра. Возвышенный душевный подъем рядом с яркими вспышками благодушного юмора и беспощадной иронии, обаятельная оригинальность взглядов по всем задеваемым вопросам без всяких преднамеренных усилий быть оригинальным во что бы то ни стало, энергия и картинность оборотов речи, богатство и неожиданность сопоставлений, задушевная убежденность аргументации, глубина и простота мысли, захватывающий блеск полемических приемов — все это в них сплетается в одно неотразимое художественное впечатление. В своих «Трех разговорах» он дал такие прекрасные образцы столь часто и обыкновенно столь неудачно применяемой философскими писателями диалогической формы изложения философских выводов, что их можно сравнить с лучшими диалогами Платона. Вообще, в писаниях этого времени литературный талант Соловьева достигает своего высшего расцвета.

Лучший русский философский писатель, Вл. Соловьев одновременно был одним из лучших русских публицистов. По условиям своей литературной деятельности ему, конечно, приходилось реже выступать на публицистическом поприще, чем Каткову или Аксакову, но по таланту он был едва ли ниже их. Я не говорю уже о том, что в широте своих идеалов, в своем отвращении ко всяким проявлениям самодовольного национализма, произвола и несправия, в своих гуманных и либеральных симпатиях, в высоте своих нравственных требований от христианской политики и христианского социального строя он имел огромное преимущество перед сейчас названными публицистами, особенно первым из них.

Философ и публицист, Соловьев был в то же время поэт. Его стихотворения постигла своеобразная судьба. Он сам не придавал им значения, смотрел на них как на случайную игру своих настроений и даже как будто извинялся за них, когда издавал их в виде маленького сборника. Приблизительно так же относилась к ним и публика: в них видели что-то случайное, несерьезную забаву талантливому человеку в чуждой ему области. Теперь уже невольно приходится глядеть на них иначе. Протекшее после смерти Соловьева десятилетие, несмотря на прихотливую смену литературных направлений и вкусов, оказалось над ними бессильным — они не потеряли своей красоты и свежести, они даже выросли и выдвинулись в своих оригинальных и крупных достоинствах. Физиономия Вл. С. Соловьева как поэта постепенно определилась и получила устойчивый облик: теперь он стоит пред нами как талантливый поэт-романтик в лучшем значении

этого слова. Ласкающая музыкальность стиха, оригинальность и богатство иногда загадочных образов, захватывающая искренность настроения, щемящая тоска о невозвратном прошлом, неожиданные молнии светлого смеха, глубоко прочувствованное разочарование пред картинами окружающей реальной жизни с ее ничтожеством, глупостью и жестокостью и томительные порывы к нездешнему миру в его нетленной красоте — вот что составляет непреходящий аромат поэзии Соловьева. Не могу здесь не упомянуть о юмористических стихотворениях Соловьева, его пародиях и шаржах, — в них он достигает такого совершенства, что к ним нельзя приравнять никаких других произведений этого рода в русской литературе, даже талантливых произведений знаменитой компании Козьмы Пруткова. Немногим писателям удавалось так забавно играть контрастами, так непринужденно соединять торжественное с заурядным, так незаметно переходить от искренних движений лирического подъема к их карикатурному преувеличению, с таким драматическим пафосом громоздить наивные несообразности и так пронизывать эти капризные создания своего необузданного фантазирования заразительной веселостью, которая неуловимо сливается с серьезной иронией над нелепостями человеческого существования. Вообще, я думаю, что если бы Соловьев родился на пятьдесят лет раньше и действовал в эпоху, когда трудно было сделаться философом по профессии, из него вышел бы крупный поэт из той блистательной плеяды, которая создала новую русскую литературу.

В наши дни Соловьев стал философом и проявил такую мощь и оригинальность мысли, которые во всякой более культурной стране надолго обеспечили бы ему широкую популярность и общее признание. Мне уже приходилось говорить раньше, что Вл. Соловьев был первым самостоятельным русским философом, что он создал свою собственную философскую систему, очень смелую по замыслу, тонко продуманную в своих подробностях, которую приходится ценить тем более высоко, что всем ее содержанием он шел против господствовавших в его время течений и не побоялся пробивать свой особый путь. Он подвергает глубокомысленной и чрезвычайно остроумной критике философские начала позитивизма, материализма, отвлеченного идеализма катковского и гегелевского типов и обнаруживает их несостоятельность и непригодность в качестве основ законченного мирозерцания. Он показывает, что чувственный мир дает нам только наши собственные субъективные переживания, наши ощущения и восприятия, которые ничего нам не говорят о реальности вещей вне нас; что, с другой стороны, наш разум, по-

сколько мы захотим искать истины в его чисто отвлеченной деятельности, ничего не доставляет нам, кроме искусственных абстракций, которые также ничему нас не научат о действительном существе вещей. Он показывает наконец, что истинная реальность не может заключаться во внешних материальных свойствах предметов — в их протяженности, непроницаемости и подвижности, потому что внешность есть понятие относительное, — потому что все внешнее подразумевает внутреннее, — потому что в основе всякой внешней принудительной силы, как ее неизбежно мыслимый коррелят, лежит самоопределяющаяся внутренняя сила. Ничто объективное невозможно без субъекта, ничто материальное немислимо без духа. Итак, только духу принадлежит настоящая действительность: все, что кажется *недуховным*, с неизбежностью вырастает из духовных отношений.

Внутренняя духовность всякого бытия, реальность только духовного — в этом первая и основная метафизическая идея мирозерцания Вл. С. Соловьева. А к ней с неизбежностью примыкает вторая идея: о *всеединстве сущего*. Если все реальное духовно, то и первое начало вещей есть бесконечный дух. Бог есть живой, свободный дух, он — творческая любовь. Он создает мир как нечто отличное от него и в то же время близкое к нему, должествующее осуществить в себе полноту его мысли и его воли. Поэтому он не только начало самого себя и своей единой жизни, он в то же время начало и всего различного от него, всего, что обладает какою бы то ни было реальностью, — он *всеединое абсолютное*, которое все в себе объединяет. Мир потому только существует, что в нем должен реализоваться идеал совершенного творения. Но мир, как мы наблюдаем его, далеко не отвечает такому представлению об идеальном совершенстве: во всем его строе ярко сказываются следы колоссальной трагедии — великого отпадения твари от своего божественного источника. Вселенная рисуется нашему чувственному опыту резкими чертами внутреннего распада: в ней все раздвинуто и разрознено пространством и временем, отдельные ее элементы замкнуты в себе и непроницаемы друг для друга, она вся охвачена слепой стихийной борьбой, протекающей по железным законам механической необходимости. Таким мир дан нам, но не таким он должен быть. Извращение, внесенное в бытие грехопадением мировой души, не может продолжаться вечно. Бог есть любовь. Он хочет правды и добра, а не злобы, гармонии, а не борьбы и эгоизма. Он создал мир, чтобы в нем иметь свое живое подобие, а не отрицание, и мир *должен* выполнить это свое назначение. Этим определяется внутренний смысл мирового процесса в его целом: он

состоит в постепенном просветлении и одухотворении темных стихий, в возрастающем уподоблении природы божественному замыслу. В этом внутреннем преобразении вселенной центральное место принадлежит человеку как одновременному носителю природных стихий в своем телесном организме и потенций Божественного разума в своем духе. На человеке лежит грандиозная задача спасения и внутреннего освящения мира. Но она явно не по силам человеку природному, который в своей чувственности и своем эгоизме сам поработен темными стихиями мира; только человек, всецело возвысившийся над таким рабством и свободный от него, человек, сделавший волю Божию своею волею, может действительно обожествить мир. Таков *Богочеловек*, и он явился в истории человечества в лице Иисуса Христа, и с тех пор космический процесс повернулся в своих внутренних двигателях. Дальнейшая задача человечества в том, чтобы оно все освятилось и очистилось, и не только в отдельных людях, но и в своем целом — во всех подробностях своей церковной, общественной и экономической организации. И когда это наступит, тогда пробьет великий час освобождения мира от рабства мрака. Вселенная изменится: из нее исчезнет бездушная борьба, исчезнет страдание, исчезнет смерть, и созданный Богом мир явит собою истинное воплощение вечных идеалов добра и красоты. В этом спасении всего живого чрез Богочеловечество заключается окончательный смысл идеи о Богочеловечестве, третьей руководящей идеи в мирозерцании Соловьева, которая представляет связующее звено между его философским и религиозным учением.

Философские исследования Соловьева составляют, как я думаю, самую прочную и незыблемую часть его жизненного дела. Это, конечно, не значит, что он не высказывал мнений, иногда очень спорных, и что его система и в своем целом не вызывала никаких возражений. Но все же мне кажется, что как бы ни менялись индивидуальные настроения философов, но если только философия будет решать свойственные ей вопросы, а не отворачиваться от них, философские сочинения Соловьева никогда не потеряют своей огромной цены. Этому служат речительством чрезвычайная своеобразность его взглядов, тонкость и широкая многосторонность его философских анализов, глубина, остроумие и неотразимая сила его аргументации: такие качества должны быть дороги в глазах каждого мыслителя, каких бы взглядов он сам ни держался. Точно так же его величественное, поэтическое, полное задушевной, пламенной убежденности мирозерцание не может бесследно затеряться между другими

порождениями искренних и серьезных дум над вековыми проблемами человеческой мысли.

Тем досаднее, что в философском творчестве Соловьева последовал продолжительный перерыв, и оно через это осталось незаконченным, что литературная деятельность только первые семь лет была сосредоточена на философии, а потом он только мимоходом касался чисто философских проблем и вернулся к ним опять лишь в последние годы своей жизни. В его последних философских трудах намечается какая-то важная перемена в его миросозерцании, он как будто делает серьезные принципиальные уступки своим прежним противникам, но в чем эта перемена состояла и к чему бы она привела, так и осталось невыясненным: смерть вырвала его в самом начале его попыток пересмотреть свои прежние взгляды. В промежутке между этими двумя периодами Соловьев был весь охвачен религиозными, даже церковными вопросами в связи с вопросом о национальном значении России, и они вовлекли его в долговременную и тяжелую борьбу, которая принесла ему много горя и неприятностей, но не дала внутреннего удовлетворения.

Как это могло случиться? Я укажу на две интересные особенности в душевном складе Соловьева. Прежде всего, он обладал чрезвычайным реализмом мистического сознания. Это был настоящий мистик, непосредственно воспринимавший близость и полную действительность невидимого духовного мира, что нередко выражалось у него в различных аномальных переживаниях. Эта сила мистического чувства давала религиозным вопросам в его глазах исключительно важное и совершенно реальное значение. Во-вторых, у него была непоколебимая вера в близкое завершение исторического процесса. В этом он сходился со своим современниками: вера в историю, в прогресс, в скорое и окончательное торжество над жизнью всех культурных идеалов и водворение среди людей земного рая представляла своего рода религию русских интеллигентных слоев второй половины прошлого века. В годы юности, в эпоху увлечения материализмом, эта вера у Соловьева не имела ничего мистического: он просто был очень последовательным и убежденным социалистом. Но потом, с общей переменой миросозерцания, она приобретает все более мистический колорит и сливается с преобразованною верою во второе пришествие. Подобно хилиастам первобытной церкви, Соловьев удивительно конкретно был убежден в близости великого переворота, которым должен закончиться космический и исторический процесс. Этот переворот предносился его воображению как торжество свободной теократии, т. е. полного осу-

ществления Божественной правды в организации человечества. Какими историческими путями может водвориться на земле истинный, свободный теократический строй? И в решении этого вопроса у Соловьева можно отметить два периода. Сначала он держался широкого мистического толкования и предвидел в скором будущем интенсивное излияние высших духовных сил, которые направят человечество к его верховному назначению. Но действительность не оправдала этих надежд, а между тем вера в близкий переворот у Соловьева все-таки не поколебалась. Тогда он стал искать среди существующих исторических сил такую, которая была бы наиболее приспособлена к тому, чтобы организовать человечество на христианском идеале, и остановился на римском католичестве: ведь именно католичество в прошлой человеческой эволюции представляет главное русло развития христианства и важнейший очаг его культурных влияний; именно в католичестве все государственные и общественные силы принципиально подчинены высшему духовному авторитету, и оно всегда стремилось к реализации такого подчинения. И вот Соловьеву стало казаться, что в соединении церковью под главенством папы лежит ближайший путь к свободной организации человечества на началах христианской правды.

Был ли Соловьев католиком? Несомненно, он им не был, как бы искренно ни доказывали иногда его обращение в католичество. Он постоянно и настойчиво отрицал свой переход в католическую Церковь, а он был человек правдивый и не лгал никогда. Когда он умирал, он позвал православного священника, исповедовался у него и причастился, хотя не было никаких препятствий пригласить католического. Вообще, в католической Церкви он ценил ее организаторскую мощь в человеческом обществе, но он решительно отрицал, чтобы только в ней одной было возможно спасение. Он всецело примыкал к тому взгляду, что вероисповедные перегородки до неба не доходят, и думал, что спастись можно во всякой Церкви, даже во всякой религии. Он верно говорил мне о себе: «Меня считают католиком, а между тем я гораздо более протестант, чем католик».

В проповеди соединения церковью под главенством папы заключался источник жизненной драмы Вл. Соловьева. Для него это соединение представляло не только теоретический интерес, в его немедленном осуществлении он видел историческое назначение России и весь смысл предшествующей эволюции человечества. И вот в своих призывах к столь важной, в его глазах, задаче он остался совсем одиноким: за единичными исключениями, за ним никто не пошел. Но прежние единомышленники отно-

сились к его проповеди или равнодушно, или прямо враждебно. Его новые союзники высоко ценили его беспощадную полемику с падающим славянофильством и приверженцами существующего церковного строя и восхищались его блестящей защитой свободы слова и веротерпимости, но соединением церковей они интересовались еще менее, чем его противники. К тяжелому нравственному одиночеству у Соловьева с течением времени постепенно присоединилось горькое разочарование в деле, за которое он так долго и горячо ратовал. В его «Повести об антихристе» ясно видно, как поблекли его надежды на будущее возрождение Церкви.

Что сказать об окончательных результатах деятельности Вл. С. Соловьева? Он очень много дал — особенно в философии. Самостоятельная русская философия начинает с него свое существование, и она сразу получила в его лице первостепенного мыслителя. В вопросах исторических, церковных, общественных он часто колебался, быть может, заблуждался и обманывался. Допустим все это — ведь нет в самом деле на свете непогрешимых людей. Но он был честный, пламенный, неутомимый искатель правды на земле, и он верил, что она сойдет на землю.

